

Страницы истории

Абдыкерим Сыдыков:

ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ

Десятилетиями советский народ воспитывался в духе классового неистовства, недоброжелательности и подозрительности по отношению ко всему, что не олицетворяло собой интересы пролетариата, в духе откровенного противопоставления этих интересов интересам всех социальных групп и слоев населения. Первоначально гонениям подвергались представители имущих классов и старой интеллигенции. Внутри этих категорий не делалось различий: «черно-белая» мерка не знала ничего иного в подходе к другим классам, кроме ярлыка «социально чуждого элемента». После того, как к середине 30-х годов эти группы в основном были ликвидированы, сталинские опричники с охотой принялись и за советскую интеллигенцию, в массе своей вышедшую из рабочих и крестьян. Интеллигенция во все времена была рассадником «инакомыслия» и всегда угрожала любому деспотическому режиму. Вот почему, даже после Сталина, с

интеллигенцией продолжали «разговаривать» при помощи окрика, произвола, высылки, заключения в «психушку»...

Формально осужденная сталинская лжетеория «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму», вопреки трезвому разуму, продолжала играть определенную роль в жизни советского общества и в период «оттепели», и, само собой разумеется, во времена «застоя». И на практике — тоже. Рецидивы этой практики имеют место и сейчас, когда уже заканчивается четвертый год перестройки.

Стоит ли забывать о том, что у истоков нашего мировоззрения, у колыбели большевистской партии стояли не только рабочие и крестьяне, а прежде всего передовые представители дворянства, буржуазии и интеллигенции — Маркс, Энгельс, Ленин, Дзержинский. Луначарский, Каменев, Зиновьев. Троцкий, Бухарин, Плеханов, Вартов... Без их участия в революционном движении были бы немыслимы три российские революции.

Как и в целом по стране, у родника Советской власти в Киргизии тоже стояли прогрессивно мыслящие представители киргизского байства, манаства и старой интеллигенции — выходцы из киргизских «дворян»-манапов: Юсуп и Токо Абдырахмановы, Ибрай Тойчинов, Султан и Шамседнн Курмановы, бывший волостной управитель, талантливый историк Белек Солтоноев, известный просветитель и автор первых киргизских учебников Эшеналы Арабаев, бывший царский штабс-капитан, кавалер английского ордена «За особую храбрость» и ордена Красного Знамени Сулайман Кучуков, внуки «алайской царицы» Курманджан-датхи, кавалер ордена Красного Знамени Кадырбек Камчибеков и Джамшибек Карабеков...

В большинстве своем эти имена стали известны лишь недавно, еще больше остающихся неизвестными — простых, рядовых тружеников социалистической стройки, погибших в борьбе с контрреволюцией, подвергшихся репрессиям. Некоторые уже реабилитированы, другие этого только еще ожидают.

Хочется отметить, что реабилитационная работа в нашей республике идет неоправданно медленно. С начала перестройки в партийном отношении в Киргизии реабилитированы — Ю. и Т. Абдрахмановы, Д. Мамбеталиев, К. Ты-ныстанов, К. Малабаев, творческое наследие Молдо Клыча Шамырканова. Резонно задуматься

— если мы и дальше будем двигаться подобными темпами, есть ли надежды, что к началу XXI века киргизский народ узнает все имена своих незаконно репрессированных сыновей и дочерей, а многочисленные потомки бывших «врагов народа» при своей жизни дождутся посмертной реабилитации своих отцов, братьев, сестер, дедушек, матерей! Подумайте только, чтобы очернить и публично наклеить на человека ярлыки «врага партии и народа» сталинским опричникам не нужно было много времени, порой хватало даже нескольких минут. Но вот чтобы очистить имена этих людей от наветов, клеветы и подозрительности, нам не хватает даже десятилетий.

В настоящее время дети и родственники репрессированных, чье терпение испытывается со времени XX съезда КПСС, не дожидаясь помощи со стороны официальных властей, стали сами по отдельным крупицам собирать архивный и иной материал о своих пострадавших близких, чтобы хоть этим помочь и приблизить день их политического очищения и воскрешения. Начавшийся в стране процесс гуманизации и возрождения нравственности обязывает нас помочь родным и близким репрессированных, исполнить сыновний, родственный и гражданский долг перед жертвами сталинского произвола.

В нашем очерке речь пойдет об одном из представителей киргизского дворянства Абдыкериме Сыдыкове, перешедшем на сторону революции, верно служившем своему народу, но затем оклеветанном и погибшем в годы массовых репрессий.

Абдыкерим Сыдыков родился в 1889 году в семье манапа в местности Баш-Карасу (ныне совхоз «Аламедин» Ала-мединского района). Закончил мусульманский мактаб, в 1911 году, — Верненскую мужскую гимназию. Потом был Казанский университет. Но закончить его не удалось, помешала болезнь. Через полгода он вновь в Пишпеке, где работает переводчиком, благо отлично владеет русским языком, что по тем временам было большой редкостью для киргизов.

После победы Февральской, а затем и Октябрьской революций, Сыдыков активно участвует в политической жизни города и уезда. Что же побудило Сына состоятельных родителей встать на сторону революции? Может быть то, что для своего времени Абдыкерим был высокообразованным человеком, что заставляло его острее переживать за свой трижды угнетенный народ? Тем более, что он видел

горе, трагедию и безысходность, воцарившиеся после разгрома восстания 1916 года. Вероятно, не прошла для него даром учеба в Верменской гимназии и в Казанском университете, откуда начали свой путь в революцию многие российские революционеры.

Сохранившиеся архивные документы А. Сыдыкова свидетельствуют о нем как о неординарной личности, хорошо ориентировавшейся а сложных вопросах марксистско-ленинской теории, прекрасном хозяйственнике, крупном организаторе и руководителе, авторитетном коммунисте.

С октября 1917 года по октябрь 1918 года он работал в Пишпекском уездном комиссариате председателем торгово-хозяйственной и промышленной секции, затем в отделе по национальным делам, заведующим подотделом по оказанию бесплатной юридической помощи бедноте. В 1918 году, когда еще было очень проблематичным само существование Советской власти, он вступает в партию большевиков.

В начале 1920 года А. Сыдыкова направляют на работу в г Верный (Алма-Ата) на должность председателя Мусульманского бюро Семиреченского обкома Компартии Туркестана.

Каково в это время было положение Семиречья и в каких невероятно сложных и трудных условиях здесь приходилось налаживать новую жизнь и работу — это засвидетельствовал в своем известном романе «Мятеж» Д. А. Фурманов, работающий в то время уполномоченным Реввоенсовета Туркестанского фронта. «Диво ли, — писал он, — что в те годы на окраине столь глухой и далекой. как Семиречье, не все благополучно было и с нашей партией? Пролетариата промышленного здесь мало, почти вовсе нет. Туземная беднота темна и забита вековым гнетом, смердящей эксплуатацией. Кулачки-колонизаторы — плохие кандидаты в большевики. Наезжая «культурная» часть населения — то чиновники, то торговцы, то прогоркляя, обывательская интеллигенция. Откуда быть, из чего родиться «железной когорте революции»? Но партия существовала. И были в ней такие ребята, что ими гордиться могла стальная большевистская армия. Но таких — единицы. А большинство, масса партийная, была в значительной мере случайная, невыдержанная, малосознательная...»

Для нас огромный интерес представляет характеристика, данная чапаевским

комиссаром А. А. Сыдыкову. В той же книге Д. Фурманов по вопросу организации партийной работы в Семиречье писал: «...Конечно, самым верным способом было бы наладить в эту работу туземцев-коммунистов. Они достанут и до кишлака и прощупают самую сердцевину населения... Но их также мало — их единицы. Эти отдельные, прекрасные работники — Сыдыков, Джандосов, что они поделают, песчинки в темном море невежества, глубочайшего, мрачнейшего суеверия, закоренелых традиций рабства и гнета?»

Люди самых разных национальностей, беззаветно преданные идеалам социализма и пролетарского интернационализма, принимали активное участие в строительстве новой жизни и в отдаленной окраине бывшей Российской империи. Старейший верненский большевик К. Ходжаев позднее вспоминал: «Я — узбек, Абдулла Розыбакиев — уйгур, Багаутдин Шегабутдинов — татарин. Магаза Масанчи — дунганин, Абдыкерим Сыдыков — киргиз, Ураз Джандосов — казах. Мы были друг для друга опорой и помощниками. Чтобы правильно понять политику партии, мы одновременно были друг для друга учителями и учениками». Многие из перечисленных соратников и друзей А. Сыдыкова также были позднее репрессированы, но уже давно реабилитированы, посмертно восстановлены в партии. В Казахстане о них написаны целые книги, они вошли в историю, где по праву значатся как верные большевики-ленинцы, активные участники установления и укрепления Советской власти в Семиречье.

Но что же происходит с А. Сыдыковым, которого Д. Фурманов характеризует как прекрасного партийного работника и стойкого большевика, участника подавления Верненского и Нарынского контрреволюционных мятежей? Работая на ответственных постах председателя Мусбюро обкома партии, заместителя, а затем и председателя Семиреченского облисполкома, члена президиума Олбревкома и президиума Исполбюро Коммунистической партии Туркестана, Абдыкерим Сыдыков немало сил отдал борьбе за торжество идеалов революции.

В июле 1922 года Сыдыков был отозван в распоряжение ТурЦИКа. В декабре 1922 года член Коллегии Наркомзема Туркестанской АССР А. Сыдыков на XI Всетуркестанском съезде Советов был избран членом ТурЦИКа и делегатом X Всероссийского съезда Советов, который вылился в I съезд Советов СССР.

В. И. Ленин тщательно готовился к работе X съезда Советов РСФСР, еще в ноябре 1922 года он стал собирать материалы для своего выступления, составил его план. Он намеревался остановиться на съезде на ряде вопросов, которые были позднее освещены в его последних письмах и статьях.

Съезд, открывшийся 23 декабря 1922 года в Москве, начал свою работу без участия больного Ленина. Но его идеи и рекомендации составили живую основу всех принятых решений. На съезде присутствовало 2215 делегатов, в т. ч. 488 представителей ЗСФСР, УССР и БССР, что было обусловлено обсуждением на съезде центрального вопроса — об образовании СССР. Он рассматривался 26 и 27 декабря. Съезд признал необходимым и своевременным объединение РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации в одно союзное государство. «В основу объединения, — говорилось в резолюции, — положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза Республик». Среди тех, кто принимал это решение, был и представитель киргизского народа Абдыкерим Сыдыков.

С января 1923 по осень 1924 гг. А. Сыдыков работал в Ташкенте на должностях начальника управления, коневодства и сельского хозяйства Наркомзема ТаССР, управляющего торговым отделом Туркгосторга. После национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Кара-Киргизской автономной области Президиумом Ревкома ККАО 17 ноября 1924 года А. Сыдыков был командирован в Москву для разрешения ряда важных для молодой автономной области вопросов, в т. ч. — вопроса об организации постоянного представительства Кара-Киргизии при Президиуме ВЦИК. Вместе с ним в Москву выехал и будущий постпред Кара-Киргизии в Москве Турдалы Токбаев. После завершения своей командировки А. Сыдыков вернулся в Пишпек и на должности заведующего отделом местного хозяйства Облревкома проводит большую работу по наведению порядка в разоренной экономике области. Некоторое время спустя он

был назначен на пост постоянного представителя ККАО в Средней Азии и отбывает в Ташкент, где с головой уходит в полную сложностей и конфликтов работу по разделу имущества бывшей Туркестанской, Бухарской и Хорезмской

республик.

С начала 20-х годов партийные организации Киргизии были охвачены групповой борьбой за власть, которая широко захватила и беспартийные массы. Принимал в ней участие и Абдыкерим Сыдыков, который вместе с Юсупом Абдрахмановым и Эшеналы Арабаевым возглавлял одну из группировок. В канун национального размежевания им противостояла группировка Рахманкула Худайкулова, Дуйшеналы Бабаханова и Ибрая Тойчинова. По своей сущности групповая борьба в Киргизии представляла собой пережиток родоплеменной вражды, в ее основе лежали незавершившийся процесс классовой дифференциации в киргизском аиле и кыштаке, отсутствие пролетарской закалки у местных коммунистов, элементы национальной ограниченности. Ведь многие коммунисты и беспартийные сохранили в своем сознании пережитки патриархальной и феодальной психологии, все еще находились в тенетах узко местнических интересов. Им требовались особая помощь и поддержка, понимание их проблем и забот. С другой стороны, в самом центре еще сильны были предрассудки в отношении «инородцев», что не могло не вызвать резкой отрицательной реакции со стороны местных кадров. Так, за время с 1924 по 1939 гг. первыми секретарями парторганизации Киргизии назначались — М. Д. Каменский, Н. А. Узюков, В. П. Шубриков, М. М. Кульков, А. О. Шахрай, М. Л. Белоцкий, М. К. Амосов, А. В. Вагов. Первым киргизом, возглавившим республиканский ЦК партии, стал в 50-х годах Исхак Раззаков.

Партийные органы, насколько это им удавалось, пытались поправлять в Киргизии дела, снимать болевые вопросы. Однако удавалось не всегда. Еще хуже было, когда ответственные партработники, направляемые из центра, практически не ориентировались в местной специфике, попадали под влияние той или иной родоплеменной группировки, которая с их помощью расправлялась с конкурентами. Трагедия ряда посланцев ЦК партии состояла в том, что подыгрывая какой-либо группировке, они искренне считали, что поправляют положение дел на местах. Так случилось с М. Каменским, который опираясь на поддержку Худайкулова, Бабаханова и Тойчинова, разгромил группировку Ю. Абдрахманова, А. Сыдыкова, и Э. Арабаева, которых считал главными виновниками в разжигании групповой борьбы. В результате этого все трое были отстранены от активного участия в жизни Киргизской АО, были вынуждены

прозябать без работы (Ю. Абдрахманов) или работать на третьеразрядных должностях, несоизмеримых с их подлинными возможностями и организаторским талантом.

В июне 1925 г. тридцать советских работников Киргизии направили в ЦК РКП(б) письмо, в котором выражали свое недовольство стилем работы и кадровой политикой Киробкома партии во главе с М. Каменским.

«...Кроме того в сильнейшей степени дает себя чувствовать мелочная опека и вмешательство руководящей части обкома даже в техническую работу советского аппарата, что полностью обезличивает, парализует и подрывает авторитет перед широкими трудящимися массами, ни в коей мере не соблюдаются разграничения в работе советского и партийного аппарата, т. к. обком занимается всеми вопросами, включая выселение из квартир. Постановления партийных съездов и конференций о строгом разграничении советской и партийной работы ни в коей степени не соблюдаются. Беспорядочные и часто случайные распоряжения Обкома РКП по советской линии не дают возможности вести планомерную работу, диктуемую интересами производства».

Так писали они 63 года назад, - мы, полностью согласны с членом комиссии СП СССР по творчеству репрессированных писателей Маром Байджиевым что отдельные из этих положений можно спутать с резолюциями XIX Всесоюзной конференции КПСС.

«...Если настоящее руководящее ядро Обкома, не могущее учесть местную обстановку и нарушающее постановление съездов, конференций и циркуляры ЦК РКП, не будет заменено, то мы требуем отозвания нас от занимаемых должностей, дабы не взять на себя дальнейшей исторической ответственности за Киргизию».

Таким отчаянным требованием заканчивалось это письмо. Письмо «тридцатки» — так нарекли группу по количеству подписей, — было осуждено комиссией Средазбюро ЦК РКП(б) и на конференции Киробкома квалифицировано как клеветническая вылазка бай-манапской группировки, направленная на раскол партии. За участие в «тридцатке» ее руководители А. Сыдыков и Э. Арабаев в июне 1925 года были исключены из партии». Другие участники группы, среди которых были председатель облисполком» А. Орозбеков, председатель облплана м. Ягнулатов, Д. Абукаиров, А. Кулумбаев и другие, получили различные партийные

взыскания. В участии в выступлении «тридцатки» подозревался и Ю. Абдрахманов, но комиссия Средазбюро не смогла этого доказать и передала материалы об участии Ю. Абдрахманова в групповой борьбе в ЦК партии.

Судьба «тридцатки» завершилась трагически. В 1933 и 1937 годах почти все никли свою гибель в тюрьмах и ссылках. После XX съезда КПСС почти все участники группы были посмертно реабилитированы, за исключением А. Сыдыкова и Э. Арабаева, которые были исключены из партии задолго до ареста и гибели.

Вслед за исключением из партии А. Сыдыков был снят с поста председателя Комиссии по возвращению на родину киргизских беженцев из Китая, которая существовала при Кироблисполкоме.

Отметим еще одну важную веху в жизни А. Сыдыкова — Первый учредительный съезд Советов Кара-Киргизской АО, состоявшийся в конце марта 1925 года. Среди других делегатов этого исторического для киргизского народа события в его работе участвовал и А. Сыдыков. В задачу Первого съезда Совков области входило провозглашение образования ККАО в составе РСФСР и Обсуждение ряда неотложных задач развития области — землеустройства и кооперирования населения, подъема народного хозяйства, и просвещения, урегулирования межнациональных отношений. На этом съезде А. Сыдыков дважды выступил в прениях. Эти речи дают достаточное представление о его взглядах на те или иные вопросы социалистического строительства. Так, вступая при обсуждении доклада о землеустройстве, А. Сыдыков сделал несколько принципиальных и важных замечаний. Во-первых, то, что проведению землеустройства не сопровождается улучшением положения работнику сельского хозяйства. А во-вторых, что основная задача для руководства ККАО — это недопущение перегибов в отношении русского крестьянства (имевших место в период проведения земельно-водной реформы 1921—1922 гг., когда все русские крестьяне огульно приписывались к кулакам-колонизаторам и экспроприировались). В-третьих, думать в целом о сельском хозяйстве, о его подъеме— без разделения хозяйств по национальностям. В-четвертых, хозяйствование проводить на основе новой экономической политики. В-пятых, землеустроить беженцев, возвращавшихся из Китая. И в шестых — он сказал о помехах, которые создает кочевой образ жизни развитию сельского

хозяйства.

Выступая в прениях по докладу о сельскохозяйственной кооперации, А. Сыдыков отметил, что в Киргизии недопонимают значения сельхозкооперации, особенно это касается киргизского населения. Поэтому он предлагал в первую очередь шире охватить кооперацией европейское население.

Эти высказывания А. Сыдыкова свидетельствуют о нем, как об убежденном интернационалисте и опытном коммунисте. Об этом, в частности, говорит и письмо «тридцатки». Тем не менее, в нарушение ленинских принципов кадровой политики, М. Каменский (не без помощи группы. Худайкулова) воспрепятствовал включению А. Сыдыкова в состав избранного съездом Киргизского облисполкома. Не были включены в него также единомышленники и друзья А. Сыдыкова — Ю. Абдрахманов и Э. Арабаев. У многих народов существует мудрая поговорка — «Покажи мне своего друга и я скажу тебе — кто ты!» Так вот, друзьями А. Сыдыкова, к его же чести, были образованнейшие люди Киргизстана, чей интеллект пережил свою эпоху. Э. Арабаев имел высшее духовное образование, всей республике была известна его просветительская, научная и культурная деятельность. Именно ему мы обязаны тем, что лучший вариант «Манаса» успели записать из уст гениального старца Сагымбая Орозбакова, Э. Арабаев активно участвовал в подготовке первых киргизских учебников, в открытии первых школ, в выпуске первой газеты «Эркин-Тоо» в сборе и издании богатейшего устного фольклора киргизского народа. Ю. А. Абдрахманов, недавно реабилитированный в партийном отношении, впоследствии вырос в авторитетного политического деятеля, стал председателем Совнаркома Киргизской АССР, был известен как историк и публицист, человек имеющий смелый, независимый характер, мыслящий нетрадиционно.

С 3 октября 1926 года Абдыкерим Сыдыков снова переезжает в Ташкент, где работает экономистом в Среднеазиатском государственном университете. В стенах этого наипервейшего в Средней Азии «храма наук» А. Сыдыков знакомится с ученой общественностью, начинает более углубленно заниматься изучением истории киргизского народа. До сих пор мало кому известен доклад А. Сыдыкова, прочитанный им на юбилейном чествовании академика В. В. Бартольда — «Родовое деление киргизов» (опубликованный затем в книге под названием — «В.

В. Бартольд — Туркестанские друзья (ученики и почитатели) — Ташкент, 1927, с. 273—300). Эта работа и по сегодняшний день представляет большой интерес для профессиональных историков, особенно этнографов, и конечно же, для всех тех, кто интересуется историей и этнографией киргизского народа. Это следует сделать немедленно, если в действительности в нашей республике канули в прошлое те времена, когда при одном упоминании о родовом делении киргизов можно было схлопотать «строгача» и даже лишиться партбилета и любимой работы.

В дальнейшем А. Сыдыков работал в Хлопковом институте (ныне Ташкентский сельскохозяйственный институт) в должности заместителя декана факультета водного хозяйства.

Весной 1931 года, учитывая организаторские и профессиональные качества А. Сыдыкова, правительство Киргизской АССР пригласило его на работу в Госплан республики. Вплоть до своего ареста 9 мая 1933 года он проработал здесь в должности начальника сектора животноводства — заместителя председателя Госплана. Старшая дочь А. Сыдыкова Нуржамал-апа (в то время — студентка пединститута) так рассказывала об обстоятельствах его ареста: «9 мая 1933 года я допоздна задержалась в институте. И когда подошла к нашему дому, то увидела машину НКВД. Увидев, что я направляюсь к калитке дома, из машины вышли два человека в форме и сказали, что туда идти нельзя. Однако после того, как я объяснила им, что являюсь дочерью А. Сыдыкова, они разрешили мне войти в дом. Первое, что я увидела войдя в квартиру — это, то что все в ней было перевернуто и разбросано. В спальне вели обыск два человека в штатском а двое — читали в кабинете отца его бумаги и рылись в книгах. Отца в доме не было». Впоследствии Нуржамал-апа узнала от своей матери, что перед обыском в дом пришел один из сотрудников Совнаркома и сказал только что вошедшему в дом после работы А. Сыдыкову о том, что его вызывают Абдрахманов и Шахрай. Однако Сыдыков возразил, ответив, что необходимые материалы давно подготовлены и он зайдет к ним завтра. Но жена Абдыкериме Сыдыковича настояла на том, что все же следует пойти, раз вызывают срочно. Тогда он надел плащ и вышел с незнакомцем из дома. Тут супруга Сыдыкова вспомнила, что забыла взять у мужа талоны на продукты и послала старшего сына догнать отца. Но вскоре мальчишка прибежал и очень взволнованно сообщил, что отца он догнал, но его к нему не подпустили, и что его

уже сопровождают три человека. Не успели домашние опомниться. От этой страшной вести, как к дому подъехала машина. А дальше уже сама Нуржамал-апа стала свидетелем, происходившее обыска и составления акта с понятым В. П. Коноваловым, соседом по дому. И еще помнит она, что сотрудники НКВД взяли и увезли из дома огромный сундук, наполненный отцовскими рукописями.

Вначале А. Сыдыкова содержали в городской тюрьме, затем перевели в Ташкентскую, куда Нуржамал-апа ездила с передачей и на свидание. Передачу у нее приняли, но свидание не разрешили. 28 февраля 1934 года А. Сыдыков был осужден военным трибуналом ТуркВО на 10 лет. В 1935 году от него пришло первое письмо из Читы, а в 1937 году — получили последнюю весточку...

В медицинской справке, подученной сыном А. Сыдыкова после XX съезда КПСС, говорится о том, что Абдыкерим Сыдыков умер в 1938 году в местах заключения.

Сыдыкову были предъявлены ставшие несколько позднее (в 1936—1938 гг.) стандартные обвинения — в создании контрреволюционной организации — Социал-Туранской партии, которой как выяснилось (как и «Промпартии» и «Крестьянской партии») никогда не было; в буржуазном национализме; в попытках вывести Киргизию из состава СССР; в стремлении реставрировать власть баев и манапов. Можно привести еще одно из обвинений, прозвучавших в адрес А. Сыдыкова на IV съезде Советов Киргизской АССР в январе 1935 года в выступлении секретаря Киробкома М. Белоцкого: «Контрреволюционер Сыдыков, который имел целью уничтожить Советскую власть и вновь поставить у власти баев и манапов, в своих показаниях прямо признался в том, что насильственная коллективизация была главным методом его контрреволюционной работы». Бредовые обвинения, которые опровергаются самой биографией А. Сыдыкова, его личным участием в утверждении Советской власти и социализма. Мы теперь хорошо знаем цену и «царице доказательств» — личным признаниям, знаем, каким образом они выбивались у арестованных...

После ареста и осуждения Сыдыкова появились ярлыки, «сыдыковщина» и «сыдыковская контрреволюционная организация», которые продолжают для некоторых историков и по сегодняшний день оставаться «пугалами». Дабы не будоражить их, не будем называть имена...

Рецидивом старого мышления хочется назвать и справку, которую получил сын А. Сыдыкова на свой запрос в одну высокую инстанцию. В ней говорится, что «16 сентября 1924 года А. Сыдыков исключен ЦКК КПТ из партии, как социально-чуждый элемент. Решением ЦКК КПТ 11 декабря 1924 г. восстановлен в рядах партии. По данным ответсекретаря Киргизского обкома РКП(б) М. Д. Каменского, всего до 1925 года, исключался из партии 4 раза. В 1925 году Сыдыков являлся одним из руководителей «тридцатки». На основе решения комиссии ЦК РКП (б) в июле 1925 года решением Средазбюро ЦК РКП(б) исключен в пятый и последний раз из партии, а затем выслан из Киргизии. При помощи председателя СНК Киргизской АССР Ю. Абдрахманова в конце 20-х годов вернулся и работал в Госплане республики. В 1935 году репрессирован».

Внизу документа есть еще одна отметка, гласящая, что эта организация другими данными о А. Сыдыкове не располагает.

Мы, конечно, не виним тех людей которые готовили эту справку на запрос сына о своем отце — жертве сталинизма. Может быть, в действительности других данных о нем здесь и нет. Если такую же справку о А. Сыдыков получили и члены Комиссии ЦК по реабилитации незаконно репрессированных, то, видимо, всякие комментарии ту будут излишни.

Какие же у нас претензии к этой справке, скрепленной подписью ответственного лица и печатью! Во-первых, как нам следует понимать исключение А Сыдыкова из партии под формулировкой «социально-чуждый элемент»! Это что — какие-то «грехи» или только фак: принадлежности к манаповскому сословию! Во-вторых, как нужно воспринимать слова о том, что по данным М Каменского исключался из партии 4 раза! Как можно верить человеку, который прямо враждовал с А. Сыдыковым Неужели историки не знают, что нужна проверка фактов! Во всяком случае, если нет других серьезных доказательств, свидетельство Каменского может быть названо тенденциозным. Нельзя доверять пустым словам, не опирающимся на факты. В-третьих, хорошо или плохо быть участником «тридцатки», а тем более одним из ее руководителей! В четвертых, почему «выслан»! Разве в то время высылали из глухомани, каковой был Фрунзе, в столицу, каковой являлся Ташкент? Причем разрешили при этом устроиться на работу в самый лучший вуз региона — САГУ! В-пятых, как считать виной то, что в

конце 20-х годов вернулся и работал по приглашению Ю. Абдрахманова в Госплане республики! Разве составителю справки неизвестно, что Ю. Абдрахманов недавно окончательно реабилитирован и его приглашением на работу скорее следует гордиться! По крайней мере, мы такого мнения об этом приглашении незаурядного, даже по нынешним временам человека. И последнее. Неправильно названа дата ареста А. Сыдыкова. «перелет», как говорят артиллеристы, составил почти 2 года..

Ради торжества справедливости и исторической правды авторы данного очерка от имени добровольного историко - просветительского общества «Акыйкат — Справедливость» считают необходимым представить комиссии при ЦК КП Киргизии по партийной реабилитации все имеющиеся в нашем распоряжении материалы по делу Абдыкерима Сыдыкова.

Данный очерк просим считать обращением в комиссию ЦК КП Киргизии о рассмотрении персонального дела А. Сыдыкова.

Дополнительно отметим, что 28 июля 1958 года военный трибунал Туркестанского военного округа отменил свои постановления от 28 февраля и 28 июня 1934 года и дело в отношении А. Сыдыкова прекратив, реабилитировав его в судебном отношении посмертно.

3. КУРМАНОВ, С. БЕГАЛИЕВ, кандидат исторических наук, члены историко - просветительского общества «Акыйкат — Справедливость».

(Республиканское отделение ВДИПО «Мемориал»),

ОТ РЕДАКЦИИ: По просьбе авторов гонорар будет перечислен на счет общества «Акыйкат — Справедливость» (ввиду того, что вопрос о регистрации и открытии счета общества в правительстве республики пока не решен, решением правления открыт личный счет ответственным секретарем общества: Сбербанк 490/067 г. Фрунзе, счет № 128571).